

РАЗДЕЛ 1.
ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АНАЛИЗА ЦЕННОСТЕЙ И НОРМ

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМ

И. Д. Невважай

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
Саратовской государственной юридической академией,
г. Саратов

1. Феноменологическая структура сознания

Кажется очевидной идея человека как нормативного существа. Человек создает, воспроизводит, изменяет и использует разнообразные нормы. Существует огромное количество норм, которые мы можем найти в любой сфере человеческой культуры. Если нормы существуют всюду, то философ заинтересован в выяснении тех оснований, которые генерируют разнообразные нормы. Важно понять, существует ли что-то общее, инвариантное, имманентно содержащееся в каждой норме, или у моральных, правовых, технических, игровых и т. д. норм свои источники. Если под нормативностью понимать способность создавать нормы, то философа интересует природа нормативности. Мне представляется возможным обсудить наличие генеративных структур сознания, своего рода прото-норм, которые лежат в основе процессов нормообразования в мышлении, в чувственном восприятии и в практическом действии. Для такой гипотезы есть основания, которые, на мой взгляд, предоставляются феноменологическим анализом сознания.

Как известно, Э. Гуссерль ввел представление о феноменологической и трансцендентальной редукции для того, чтобы «очистить» деятельность сознания от внешнего предметного содержания и от психической «материи» сознания. Это было сделано для того, чтобы после осуществления указанных редукций приступить к анализу актов сознания «как такового», сознания «самого по себе», безразличного к содержательной стороне этих актов. Допущение возможности существования и изучения такого «чистого» сознания является абстракцией высокого порядка. Если учесть, что сущность актов «чистого» сознания есть интенциональность, то после первой редукции интенциональность лишается своего предмета и становится направленностью на ничто, или на некое неопределенное нечто, а после второй – утрачивает реальность то, что само направлено на некое нечто. В результате этих абстрагирующих процедур остается «чистая» интенциональность без своих полюсов: на что направлено сознание, и того, что в самом сознании

направлено на нечто. А это есть отношение в чистом виде без соотносящегося и без соотносимого, активной и пассивной стороны интенционального акта. И хотя, согласно Гуссерлю, сознание не редуцируется к материальной действительности и есть особая реальность, но, как я думаю, бытие сознания нельзя мыслить вне контекста отношений человека к материальному миру. Я вижу единственную возможность понимания такого отношения, в котором соотносящиеся стороны не имеют собственного значения и бытийного статуса. Она состоит в признании, что таковым может быть лишь отношение знака и значения, обозначающего и обозначаемого. Нет ни знака, ни значения самих по себе, отдельно друг от друга они не обладают бытием. Отношение знака и значения является идеальным отношением. Но оно является идеальным не потому, что мы мысленно абстрагируемся от «материала» знака и значения, а потому, что оно остается таковым при любом их «материале». И поэтому для исследования этих идеальных отношений нет необходимости лишать и знак, и значение их «материала». Тогда феноменологическую редукцию можно интерпретировать как попытку мыслить знак без значения, ибо это значение как реальность выносится, по Гуссерлю, «за скобки». Трансцендентальная редукция, наоборот, есть попытка мыслить значение без знака (знак как феномен субъективной реальности выносится то же «за скобки»). Обе редукции приводят к результату, согласно которому сознание мы пытаемся мыслить как чистые отношения указания и замещения, когда нечто указывает на иное и, с другой стороны, замещает его. Собственно сознание «как таковое» и есть отношение человека к миру, в котором любой фрагмент внешней реальности обладает значимостью, то есть указывает на что-то иное, замещает и выражает собой это иное. Если сознание есть «акт различения»¹, то оно актуализируется и должно поэтому анализироваться именно в базисном акте расщепления реальности на «посюстороннюю» и «потустороннюю», на «данное» и «иное», когда «данное» замещает собой «иное» и указывает на него. Одной из всеобщих форм бытия так понимаемого сознания является отношение знака и значения, в котором знак может выступать как «данное» (или «иное»), а значение - как «иное» (или «данное»), или наоборот. Сознание «выключено», если реальность дана человеку как таковая, сама по себе. При этом реальность действует как сигнал, как стимул, побуждающий к какому-либо эмоциональному состоянию (например, тревоги или удовольствия) или действию (допустим, обороняться или бежать). «Включение» сознания не означает возникновения так называемого отражения действительности в форме субъективных

¹ Молчанов В. И. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос: философско-литературный журнал. 1992. № 3. С. 7–36.

состояний, «образов». Скептицизм относительно достоверности чувственных «образов» существует в области нейрофизиологии уже давно. Развивая идеи Канта о знании, известный немецкий физиолог Герман Гельмгольц доказал оригинальную теорию восприятия, «теория иероглифов», согласно которой субъективный «образ» не совпадает с объективными свойствами воспринимаемых вещей, они – только их признаки. Современный немецкий нейрофизиолог Герхард Рот показал экспериментально, что рецепторы и нервные клетки – это сигналы для мозга о существующих «элементарных событиях», но они не являются содержанием восприятия. Восприятие не есть отражение чувственно данного, но всегда есть созидание, конструирование, в котором участвует сознание². Когда мы, вслед за Гельмгольцем, рассматриваем ощущение как знак, который указывает на некое значение, то это и есть феноменологический акт сознания. В феноменологии отношение сознания к феномену (сознания) есть интенциональность, которая предполагает, что все значения и смыслы феномена исходят не от его предметности, а из самого сознания. Таким образом, в предлагаемой мной семиотической интерпретации гуссерлевской трактовки сознания интенциональные акты сознания суть акты придания значения феноменам, рассматриваемым как знаки.

Но я хотел бы обратить внимание на то, что ряд феноменологов стремился выйти за пределы гуссерлевского толкования сознания как интенционального акта. Так ученик Э. Гуссерля Адольф Райнах ввел понятие респонсивности, или «ответности», для описания социальных актов³. Последние нацелены на соответствующие ответные действия агента коммуникации. Поэтому интенциональность, по Райнаху, содержит в себе также «ответность», предполагаемое отношение Другого. Несколько иначе решает вопрос об основе познавательного отношения Э. Левинас. Оставаясь в рамках феноменологии, Э. Левинас перетолковывает понятие интенциональности и придает последнему смысл открытости сознания «иному». Интенциональность есть обращенность к иному, к субъективности Другого⁴.

Современный немецкий философ Б. Вальденфельс также развивает концепцию респонсивности сознания, но респонсивность у него дополняет, а не расширяет интенциональность⁵. Согласно Б. Вальденфельсу, термин «респонсивность» обозначает ситуацию, когда чужое сознание, или просто чужой, «пре-присутствует»

² Roht G. Die Konstruktivität des Gehirns: Der Kenntnisstand der Hirnforschung // Fischer H. R. (Hrsg.). Die Wirklichkeit des Konstruktivismus: zur Auseinandersetzung um ein neues Paradigma. Heidelberg, 1995. S. 60.

³ Райнах А. Собрание сочинений. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

⁴ Левинас Э. Путь к Другому. СПб.: СПбГУ, 2007.

⁵ Вальденфельс Б. Мотив чужого. Мн.: ПроPILE, 1999.

в собственном сознании субъекта, который всегда отвечает на запрос, призыв чужого. Чуждость и ответ составляют единое целое, но таким образом, что «чужое» бросает нам вызов тем, что уклоняется от схватывания и тем, что выходит за пределы нашего понимания.

Разъясняя смысл «чуждости», Б. Вальденфельс пишет, что, с точки зрения собственника сознания, чужая претензия не следует «нашим» правилам и поначалу не имеет смысла. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Оно прерывает общепринятые смысло- и правилообразования и пускает в ход новое. Мы сами изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем, и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание делает возможным иное видение, мышление и действие. Сознание своими актами может отвечать на некую «данность», реагировать на событие «вторжения чужого» в наше сознание, требуя ответа, требуя выразить вторгающуюся «данность». Анализ подобных актов связан с выяснением того, как объективная реальность (вещь, или «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания.

Поиск выражения притязающей на собственное бытие внешней реальности осуществляется в актах распознавания и признания того, что же нам «дано». Гуссерль ставил вопрос об актах выражения (Ausdruck) внутреннего содержания сознания, но, как считали его ученики, эта тема осталась в рамках его «эгологии» неразрешимой⁶. Невозможность редуцировать акт выражения к интенциональному акту заставляет рассматривать способность сознания, связанную с актом «выражения», отдельно как респонсивную способность.

Я придерживаюсь точки зрения, согласно которой описание сознания с помощью понятия интенциональности должно быть дополнено описанием его с помощью понятия респонсивности. Если интенция – это активность сознания, то респонсия – это его реактивность. Поиск выражения, притязающего на собственное бытие предмета внешнего мира, осуществляется благодаря респонсивной способности сознания в процедуре распознавания и признания того, что же нам «дано». Это уже не процедура интерпретации знака, но акт, который я предлагаю называть «именованием», поскольку он связан с поиском знака для данного значения или содержания. Данное предмету имя «делает» его объектом мысли. Акт именованья напоминает акт интроспекции, которое было введено в психологию Ш. Ференци, и он означает включение индивидом в свой внутренний мир элементов внешнего мира для перенесения

⁶ Разеев Д. Н. В сетях феноменологии. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 151.

на них эмоциональных переживаний⁷. Именованье, как и интроспекция, обеспечивает такую фундаментальную функцию знака, как функцию замещения. Когда на первом этапе познания мы хотим знать что-то о новом предмете, то спрашиваем, прежде всего, как «он» называется. Найдя имя предмета, мы еще не обладаем развернутой информацией о самом предмете, но мы получили в форме имени средство, с помощью которого уже можно мыслить предмет, обладать им в своем сознании. Итак, в респонсивных актах знак используется в функции замещения и представления притязающего на выражение данного извне содержания.

Итак, игра состояний «данного» как «означаемого» или «означающего» определяет динамику познавательного процесса. Интенциональным актом конституируется содержание «данного» с помощью интерпретации феномена как знака, в результате которого конструируется его предметное значение. Таким образом, интенция придает значение знаку. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку. Если субъект относится к феномену как к значению, содержанию, то для узнавания или признания этого содержания необходимо найти знак, который выражал бы это значение. В данном случае ищется знак, который бы «адекватно» выражал обозначаемое содержание, и поэтому соответствующее имя не воспринимается как произвольное, а, напротив, как «собственное» имя обозначающего. Здесь «данное» оказывается найденным в самом значении, которое само себя показывает в «собственном» знаке. Сказанное соответствует тем трактовкам «данного», которые были предложены Ричардом Рорти. Он отмечал, что никакого непосредственно «данного» не существует. «Непосредственно данное» – это иллюзия наивного реализма или интуиционизма. «Данное» никогда нельзя рассматривать само по себе, как таковое, оно всегда существует или в форме найденного (finding), или в форме созданного (making)⁸. Соглашаясь с этим, я хотел бы придать более конкретный смысл «найденного» и «созданного» в рамках описанной выше семиотической модели познавательного отношения. С одной стороны, человек создает значение с помощью процедуры интерпретации имени, а с другой, – он находит «правильное», или «собственное» имя, обозначающее некое содержание. В первом случае «данное» есть созданное содержание, во втором – как найденное выражение

⁷ Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: ПЕР СЕ, СПб.: Университетская книга, 2000.

⁸ Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997.

некоего содержания. Но две формы «данного» не могут существовать совершенно независимо и безразлично друг к другу. Больше того, как было показано мною, «найденное» легитимируется «созданным», и наоборот⁹.

Получается, что познание есть субъектно-объектная система с положительной обратной связью. Последняя обеспечивается двумя взаимодополняющими субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Для респонсивного сознания всякий предмет есть некое предзаданное предметное содержание, которое требует распознавания и выражения. Но в этом случае мы должны быть уверенными, что найденное нами выражение (текст) не является чисто субъективным, то есть что оно адекватно содержанию и детерминировано им. Называя, например, видимый стол именем «стол» мы должны быть уверены, что дали имя, адекватное его содержанию. На чем же держится наша уверенность? Думаю, что вовсе не на том, что перед нашим взором «очевидно» находится стол. Мы поступаем в действительности иначе. Мы определяем понятие «стол», эксплицируя содержание данного понятия (то есть даем интерпретацию имени), затем сопоставляем совокупность признаков стола (зафиксированных в определении понятия) с видимым предметом «стол», и подтверждаем (или нет) свою гипотезу о том, что нашли «правильное» имя. Таким образом, «правильность» выражения данного нам содержания зависит от «правильной» интерпретации имени (шире – текста), то есть от интенциональной способности сознания. Именно таким способом данное как «найденное» легитимируется данным как «созданным» (и наоборот).

Легко заметить, что предложенная эпистемологическая схема напоминает концепцию познания У. Матураны и Ф. Варелы и, в целом, соответствует концепции радикального конструктивизма¹⁰. Предложенная мною схема описывает циклы адаптации познающего к окружающему миру согласно автопоэтической концепции, в которой познание представляет собой рекурсивный процесс, который осуществляет субъект в чередующихся интенциональных и респонсивных актах, посредством которых субъект ищет выражение содержания и интерпретирует создаваемые тексты. Своими действиями субъект вместе с познаваемой реальностью представляет собой автопоэзисную систему, которая стремится

⁹ Невважай И. Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 83–97.

¹⁰ См., например: Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: Phren, 2000; Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.

воспроизводить себя как рационально устроенную систему, которая обеспечивает равновесие и согласованность человеческого бытия с внешним объективным миром. Но это равновесие и согласование обеспечивается наличием норм, на основе которых осуществляется взаимодействие человека с внешней реальностью.

Действительно, в познании как системе с обратной связью, последняя обеспечивается двумя взаимосвязанными субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Как ранее уже отмечалось, интенциональным актом определяется значение феномена-знака. Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение «приписывается» знаку, но первичным и определяющим в этом отношении выступает знак. Респонсивность, напротив, есть способность сознания, отвечающая за поиск знаков, выражающих имеющееся содержание (феномен). Здесь связь знака и значения также является условной, но она определяется уже содержанием, или значением. В первом случае мы можем говорить о соответствии значения знаку, во втором – о соответствии знака значению. Эти два отношения соответствия не тождественны друг другу, но если они согласованы друг с другом, то мы имеем соответствие знака значению, соответствующего знаку, или соответствие значения знаку, который соответствует значению. Вследствие этого между знаком и значением образуется отношение, которое обладает свойством симметричности и рефлексивности, что является условием образования нормы.

Таким образом, важнейшим результатом предыдущего анализа структуры человеческой субъективности является положение о двойственной природе сознания, выраженной в интенциональной и респонсивной способностях, которые реализуют себя в актах интерпретации и выражения, обеспечивающих конструирование значения некоего знака и нахождение знака, выражающего определенное значение. Далее я постараюсь показать, что представленная динамическая структура познания является структурой, генерирующей нормы человеческого бытия.

2. Семантическая концепция норм

Существует большое разнообразие точек зрения на понятия нормы и правила. Существует огромное число видов правил. Есть правила в логике, в праве, в языке, в спорте. Наряду с правилами мы говорим о существовании различных норм. Иногда нормы отождествляются с правилами, иногда нет. Нормы, регулирующие согласованные действия людей в процессе игры, называются обычно правилами. В работах ученых-юристов, придерживающихся позитивистской концепции права, правило совпадает с диспозицией нормы и не охватывает ее гипотезу и санкцию.

Мой подход к пониманию норм основан на рассмотрении семиотических отношений¹¹. Аналогичный подход был предложен в работах К. Глюер и Ф. Викфорс, посвященных лингвистической нормативности¹². Они различают две формы нормативности: в одном значении определяет норму, правило, а в другом – нормы, правила первичны, а значение вторично. Но собственный подход представляется мне более общим, так как в нем предлагается версия возникновения самой нормы.

Ранее в своей книге «Свобода и знание», анализируя процесс возникновения измерительных эталонов в области естественных наук, я показал, что эталон имеет символическую функцию, благодаря которой мы связываем измеряемую величину с формой ее представления. Приведу простые иллюстрации. Допустим, что измеряемая величина – это стоимость товара. Исторически сложилось так, что его стоимость выражается в некотором количестве монет. Эталон – в данном случае это деньги – связывает символически стоимость товара и количество монет. Далее, время измеряется числом движений (колебательных) в часах, и поэтому всякий эталон в данном случае связывает символически время и количество колебательных движений. Или, допустим, вес предметов измеряется с помощью эталонов, которые выражают измеряемую величину посредством величины своего объема (количеством гирек на весах). Эталон – это предмет, процесс, который своей репрезентативной формой (в вышеприведенных примерах это количество монет, число колебаний, размер объема) символически выражает величину измеряемого свойства. Эталон есть предметная норма – фиксированное символическое отношение между измеряемой величиной и ее выражением, репрезентативной формой.

Обобщая сказанное, предлагаю в качестве гипотезы рассмотреть определение нормы как определенной символической связи между обозначаемым и обозначающим, знаком и его предметным значением, между действительностью и ее репрезентативной формой¹³. Я бы назвал это определение определением «прото-нормы» как базовой структуры, генерирующей нормы различных видов и в разных сферах человеческого бытия.

Общее устоявшееся представление о нормах, которое можно встретить в энциклопедиях, выглядит следующим образом. Норма есть установленный эталон, стандарт для оценки существующих

¹¹ Невважай И. Д. Свобода и знание. Саратов: Саратовская государственная академия права, 1995.

¹² Glüer K., Wikforss Å. Against Content Normativity // Mind. 2009. N 118. P. 31–70.

¹³ Впервые такое обобщенное определение нормы было предложено мной в статье: Nevvazhay I. Semantic Concept of Norm and the Rule-Following Problem // Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная, В. В. Долгоруков. СПб.: Алетейя, 2014. С. 302–313.

и образец для создания новых объектов¹⁴. Из этого следует, что норма отличается, с одной стороны, от воплощающего ее реально-го предмета, с другой – от фиксирующего ее нормативного высказывания, например, юридического закона, математического или грамматического правила. Как эталонный объект, так и нормативное высказывание могут соответствовать норме, но не являются собственно нормой. Поэтому я считаю, что нормы следует отличать от нормативных предложений, которые я предлагаю называть правилами. В то же самое время нормы не существуют в объективной действительности. Таким образом, норма связана с отношением высказывания, правила и реальности, что отражено в предложенном мною выше определении нормы.

Мое понимание нормы имеет достаточно общий характер и позволяет с единой точки зрения рассматривать нормативность мышления, чувственного восприятия (узнавания) и практического действия.

Не претендуя здесь на систематический анализ нормативности мышления, позволю себе ограничиться некоторыми иллюстрациями «работы» семантической концепции норм в логике и математике. Как согласовать предложенное понимание нормы как отношения знака и значения с традиционным представлением о норме? Как известно нормативные суждения могут быть запрещающими, разрешающими, обязывающими и нейтральными. Первой задачей является распространение представления о модальности не только на суждения, но и на семантические отношения между суждениями и их предметными значениями. Поэтому необходимо предложить интерпретацию деонтической модальности семантического отношения.

Когда мы накладываем запрет на связь между определенным знаком и некоторым значением, или когда не придаем определенному знаку некоторых значений (или наоборот), то в этом состоит действие запретительной нормы. То есть запрет означает, что либо у данного знака не должно быть некоторых значений, либо у данного значения не должно быть некоторых имен, знаков. Совсем коротко: запретительная норма – это запрет на некоторые значения и знаки. Такие нормы выражаются в виде правил, запрещающих употреблять определенные имена по отношению к некоторому содержанию, или использовать некоторые интерпретации данного знака или текста. Напротив, когда мы допускаем некоторые значения определенного знака (омонимия), или допускаем некий набор знаков для обозначения определенного значения (синонимия), то этим конституируется

¹⁴ Левин Г.Д. Норма // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. С. 610–611.

разрешительная норма. Норма долженствования существует как запрет на иные связи между знаком и значением, кроме фиксированной, то есть в человеческой практике регулярно воспроизводится лишь одна единственная связь знака и значения. В этом случае говорят о «собственном имени» некоего содержания, или об «истинном значении» некоего знака. Истина как знание, соответствующее действительности, задается нормативным семантическим отношением долженствования между суждением и действительностью. То есть суждение долженствования – это в данном случае суждение истинности. Далее, мы привыкли пользоваться понятием лжи, которое толкуется как отрицание истины. Но вспомним, что Аристотель понимал ложь не просто как отрицание истины. Он писал, что ложь есть утверждение о существовании того, чего нет в действительности. Иными словами, ложь с точки зрения семантики есть лингвистическая демонстрация того, как говорить запрещено, то есть ложь – это формула запрещающей нормы. Разрешенные формы знания – это не истина и не ложь, а, к примеру, допущения, предположения, презумпции, без которых невозможен был бы процесс мышления и познания мира.

Позвольте привести еще одну иллюстрацию работы деонтических норм в области математики. Как известно, в математике существует запрет на операцию деления на ноль. Деление на ноль запрещено! Хотя фактически ноль как знак можно писать на месте делителя, но тогда математическое высказывание не будет иметь какого-либо математического значения. Это семантический запрет. В математике есть разрешающие нормы, например: делить ноль, умножать на ноль или прибавлять ноль разрешено. В этих случаях математические действия с нулем будут иметь математический смысл. Но каков в этом случае будет пример нормы долженствования, когда что-то нельзя не делать, или запрещено не делать именно это? Например, если мы умножаем на ноль, то в результате мы должны писать «ноль», а не что-то иное. В математике мы не можем сказать, что «умножение на ноль дает ноль» есть «закон природы», это правило, которое мы вводим, и оно оправдано нормой, согласно которой мы не можем не писать в результате ноль, когда умножаем на ноль. Так должно быть! Здесь обязывающая норма – это норма практическая, которая предписывает однозначную связь между математическим выражением « 1×0 » и его единственным математическим значением «0».

Позвольте теперь привести иллюстрацию из области восприятия. Запрещение. На рис. 1 мы видим изображение дерева, которое перечеркнуто крестом. Это означает, что накладывается запрет на восприятие «дерева» как дерева.

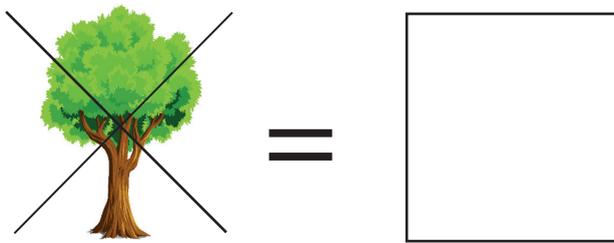

Рис. 1. Запрет на восприятие «дерева» как дерева.

Разрешение. На рис. 2 мы видим слева изображение дерева, которое может восприниматься по-разному (изображение справа). Своего рода омонимия и синонимия, так как здесь возможны разные знаки для значения «дерево» и разные значения (разные «деревья») у одного и того же изображения дерева.

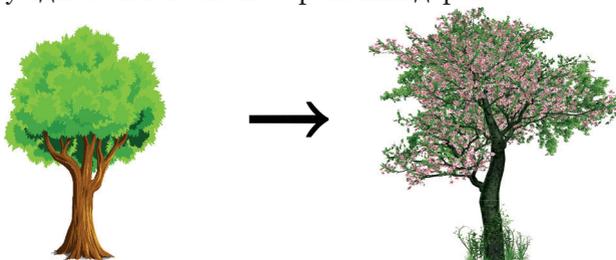

Рис. 2. Разрешение на восприятие изображения как растения.

Долженствование. На рис. 3 мы видим изображение дерева, которое должно быть воспринято как «ель», к этому может обязывать и знак, и подпись на рисунке.

Рис. 3. Рисунок с подписью: «Это ель».

Как видно из приведенной иллюстрации, чувственное восприятие также по природе своей нормативно, ибо имеются разнообразные связи между знаком и значением, то есть образцы, эталоны, которые определяют то, что мы видим и как распознаем то, что мы видим.

Далее я хочу обратиться к сфере практических действий и на примере правовых норм показать их семиотический генезис.

3. Коммуникативный нормогенез в праве

Социальная жизнь людей существует, прежде всего, в совместной деятельности и взаимных отношениях. Обратим внимание на отношения, которые основаны на коммуникации, в процессе которой происходит обмен действиями. Само понятие обмена предполагает некую эквивалентность действий. Еще Аристотель обратил внимание на то, что в социальных отношениях между людьми всегда существует определенная эквивалентность. Например, когда применяется одинаковое лечение при одинаковой болезни. Врач и пациент вступают в отношение эквивалентного обмена, которое основано на общем правиле компенсации ущерба: лечение есть компенсация ущерба, нанесенного здоровью болезнью. Больной притязает на выздоровление, а врач признает это притязание, прибегая к лечению и компенсируя ущерб. При этом лечение оценивается (измеряется) выздоровлением, т. е. полной компенсацией ущерба, а болезнь — применяемым лечением.

В исследованиях правовой жизни в первобытных культурах, проведенных Брониславом Малиновским¹⁵, показано, что в основе возникновения правоотношений лежат множественные процессы эквивалентного обмена услугами и функциями, в которых складывается сложная система взаимных обязательств. Как например, владелец лодки предоставляет место в ней для соседа по деревне, который в обмен на это обязан выделить хозяину лодки часть улова. Б. Малиновский замечает, что каждое действие как правило санкционируется «принципом взаимности»: «В каждом действии мы находим социальный дуализм: две стороны, обменивающиеся услугами и функциями, каждая из которых следит за тем, чтобы другая сторона в надлежащей мере выполняла свои обязанности и действовала добросовестно»¹⁶. Возникающие в сфере эквивалентных обменов правовые нормы регулируют объединяющие людей обязательства, и они отличаются от тех, которые покоятся только на силе обычая. В реализации обменов нет принуждения и насилия, поскольку в них каждый индивид реализует свои частные интересы. При этом каждый агент коммуникации осознает, что нарушение взаимных обязательств оборачивается против нарушителя тем, что он вытаскивается из сферы выгодного социального обмена. «По представлениям туземцев, вся система опирается на очень сложный механизм, который можно описать словами «сколько взял — столько дал», и что в долговременной перспективе взаимные услуги уравновешиваются»¹⁷. Требования правового

¹⁵ Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 211–281.

¹⁶ Там же. С. 224.

¹⁷ Там же. С. 231.

закона отличаются от остальных правил тем, что они воспринимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Очень важно, что эти притязания санкционированы не только психологическими мотивами, но и определенным социальным механизмом. Взаимная зависимость людей, выражаемая в воспроизводимой сети взаимных услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей совокупности трансляций требований, становится существенной объединительной социальной силой.

Другой образцовый пример эквивалентного обмена в социальных отношениях – древний закон талиона. Этот закон говорит: мера наказания должна восполнять вред, причиненный преступлением. На чем основано убеждение в том, что определенная мера наказания эквивалентна ущербу от преступления, или компенсирует (воздаст) ущерб? Это равенство обусловлено самой коммуникацией. Если она есть, то и равенство есть, и наоборот. Поясню. Я занял 100 руб. у соседа и обещал вернуть эту сумму в назначенный срок. Я возвращаю соседу 100 руб. Мой сиюминутный интерес может быть в том, чтобы вернуть меньше 100 руб., а сосед был бы заинтересован получить больше 100 руб. Согласование интересов свободных агентов коммуникации приводит к равному по взаимному согласию обмену. Неэквивалентная компенсация требует дополнительного оправдания, специального обоснования, отвечающего на вопрос «почему?» Почему, например, воздаяние меньше ущерба? В эквивалентном обмене одна сторона имеет право ожидать от другого возврата долга, а другой считает себя обязанным вернуть долг. Доказать эквивалентность нельзя, ее надо принять как нечто данное и безусловное, так как доказательство требуется в тех случаях, когда обмен не эквивалентный. Эквивалентность априорна, она есть презумпция обмена. Эквивалентность определяется согласием сторон относительно того, что обмен равный или эквивалентный.

Вся социальная жизнь пронизана сетью эквивалентных обменов. И эквивалентность есть условие стабильности социальных связей. Я согласен с общей идеей Б. Малиновского, что люди без принуждения вступают в отношения обмена, поскольку они уверены, что затраты или понесенный ущерб в конечном счете будут тем или иным способом возмещены. Трудовые затраты компенсируются выдачей зарплаты, на которые можно приобрести те или иные блага. Если кто-то преподносит дар другому, то этот признанием этого дара находит выражение в форме благодарности за дар. Если человек что-то говорит другому, притязая на свое право что-то сообщать другим, или командовать другими, а другие, если слушают и понимают, подчиняются этому человеку, то тем самым признаются соответствующие притязания. Книги писателя читаются, знания учителя

усваиваются, приготовленная еда съедается и т. д. Вся социальная жизнь как взаимодействие индивидов держится на совокупности отношений равного обмена между притязанием и признанием. Конкретизация этого общего закона взаимности (или «принципа взаимности») выглядит как ряд различных эквивалентных социальных обменов, таких как ущерб-возмещение, преступление-наказание, говорение-понимание, болезнь-лечение, обещание-ожидание и т. д.

Еще раз хочу подчеркнуть, что коммуникация между индивидами возможна только в соответствии с принципом равенства, или эквивалентности. Иначе коммуникации нет, она разрушается. Имея в виду вышеприведенные примеры, разрушение коммуникации означает, что больных не вылечивают, преступников не наказывают, говорящего не слышат, у учителя не учатся... То есть без эквивалентных обменов притязаний и признаний не существует общей социальной жизни, в которой каждый имеет право быть субъектом притязаний.

Таким образом, социальное равенство состоит в возможности каждого члена общества обменять свои услуги и функции на другие. При этом важными свойствами эквивалентных обменов является рефлексивность, симметричность и транзитивность. Рефлексивность ($a=a$) означает, что обмениваемые услуги и функции являются социально значимыми, на них существует социальная потребность. Симметричность (если $a = b$, то $b = a$) социальных отношений обмена означает, что субъектами потребностей, интересов и действий являются оба агента коммуникации. Наконец транзитивность отношений равенства (если $a = b$, $a b = c$, то $a = c$) означает опосредованность обмена (обмен между «а» и «с» опосредован обменом с «b»). Как было сформулировано выше в эквивалентном обмене формируется всеобщий эквивалент. Он выделяется из числа обычных «сравниваемых» и обмениваемых объектов. В социальных обменах такими объектами являются не только вещи, но и действия. Определенное действие как форма репрезентации становится символическим выражением, мерой обмениваемых действий. Действием, которое могло бы быть всеобщим эквивалентом множества других действий является речь (устная или письменная). Подобно тому, как деньги стали всеобщим эквивалентом стоимости товаров. Речь, речевое действие есть своего рода «деньги», на которые могут обмениваться любые человеческие действия.

Таким образом, осмысление генезиса правовых норм требует анализа процесса развития отношений равенства в социальной коммуникации, в социальном обмене притязаний и признаний.

С точки зрения А. В. Полякова, автора одной из концепций коммуникативной природы права, правовая коммуникация представляет

собой процесс взаимодействия, осуществляемый индивидами на основе правовых текстов, получающих интерпретацию, институционализацию, социальную легитимацию¹⁸. Это означает, что коммуникация всегда связывает носителей субъективных прав и правовых обязанностей с правовыми нормами, вытекающими из правовых текстов. Только субъекты, взаимодействующие на основе признанных прав и обязанностей, вытекающих из общезначимых и общеобязательных текстов, находятся в состоянии правовой коммуникации, «создают» право. Таким образом, права и обязанности онтологически ближе к феномену права, чем тексты законов или других правовых актов. Поддерживая изложенную позицию в целом, я, в отличие от А. В. Полякова, не стал бы связывать генезис правовых норм с наличием правовых текстов. Напротив, правовые тексты вторичны по отношению к правовым нормам, которые формируются в процессе социальной коммуникации, социальных обменов.

Возникновение правовых норм связано с некоторыми особенностями социального обмена. Для этого обратимся к ситуациям, когда понятие права обретает смысл. Часто понятие права используется некорректно. Люди путают наличие у них желаний, интересов с обладанием права. Если человек хочет есть, это не означает, что у него есть право на то, чтобы есть. Если человек имеет мужской пол, то имеет ли он право быть мужчиной? Наконец, имеет ли человек право на глупость? Если человек, сказавший это, действительно глуп, то что означает его декларация о праве на глупость? Можно ли заявлять о своем праве быть тем, кем фактически являешься? Разумеется, нет. Бессмертный не имеет права на жизнь. Таким образом, о праве можно говорить лишь тогда, когда существует притязание на состояние, которым ты не обладаешь, или которым обладаешь, но можешь утратить по вине другого.

Далее. О праве на что-то можно говорить только тогда, когда существует свобода, а значит, возможность кем-то быть или не быть. «Быть или не быть» – это и есть, на мой взгляд, ключевая ситуация, в которой возникает право как артикуляция притязания на то, что требует признания со стороны других. Единство притязания со стороны одних и признания со стороны других индивидов есть, на мой взгляд, суть коммуникативного подхода к пониманию права. Матрица, которая порождает право, состоит в притязании индивида (индивидов) и признания другими индивидами этого притязания¹⁹. Эта матрица определена отношением равного обмена притязания на признание, и наоборот.

¹⁸ Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003.

¹⁹ Невважай И.Д. Право на право как матрица европейской традиции права // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2013. № 3. С. 257–262.

Итак, о праве имеет смысл говорить тогда, когда существует возможность нанесения ущерба наличному состоянию субъекта жизнедеятельности, то есть ущерба праву субъекта. Признание необходимости возмещения ущерба (обмен!) и рождает правовую норму. Наличие возмещения свидетельствует, во-первых, о признании притязания субъекта (права), а, во-вторых, о том, что здесь имеет место социальный обмен. Эквивалентный обмен порождает норму. Выше уже отмечалось, что на роль всеобщего эквивалента лучше всего подходит «говорение» как действие. Это действие всегда может быть фиксировано, оно безразлично к особым формам обмениваемых действий. Это действие лучше всего фиксировать в виде письменного текста, хотя, иногда бывает достаточно устного обещания. Отсюда понятная приверженность юридического законодательства к письменной форме. Но эта приверженность письменной форме имеет свои минусы. Одним из них является то, что можно было бы назвать «правовым фетишизмом», который на языке правоповедения называется нормативизмом. Правовой фетишизм состоит в абсолютизации сформулированного на письменном языке правила как первичной и главной формой бытия правовой нормы. Если правовая норма отождествляется с писанным правилом, то это и есть фетишизм. Это все равно, что в экономической жизни исходить из того, что деньги сами по себе являются богатством, виртуально содержащим в себе многообразие реальных товаров и их стоимость. Юристы часто думают, что написав некий текст и назвав его законом, мы получаем правовую норму. Это распространенное заблуждение, игнорирующее то обстоятельство, что реальные «работающие» нормы (то, что классики юриспруденции называли «живым правом») осуществляются в сфере социального обмена прав-притязаний и обязанностей-признаний. Когда правовая норма не предполагает указанного эквивалентного обмена, она воспринимается как насилие и разрушает органическое единство социума.

В заключении я хотел бы выделить основные результаты, полученные в данной статье.

1) Феноменологический анализ структуры человеческой субъективности позволяет выявить двойственную природу сознания, выраженную в интенциональной и респонсивной способностях, которые реализуют себя, соответственно, в актах интерпретации и выражения, обеспечивающих конструирование значения некоего знака и нахождение знака, выражающего определенное значение.

2) Познание есть субъектно-объектная система с положительной обратной связью. Последняя обеспечивается двумя взаимодополняющими субъективными актами: интенциональным и респонсивным. Предложенная схема описывает циклы адаптации познающего к окружающему миру согласно автопоэтической

концепции, в которой познание представляет собой рекурсивный процесс, который осуществляет субъект в чередующихся интенциональных и респонсивных актах, посредством которых субъект ищет выражение содержания и интерпретирует создаваемые тексты. Своими действиями субъект вместе с познаваемой реальностью создает автопозитивную систему, которая стремится воспроизводить себя как рационально устроенную систему, обеспечивающую равновесие и согласованность человеческого бытия с внешним объективным миром.

3) Равновесие и согласование между человеком и окружающим миром обеспечивается наличием норм. Представленная динамическая структура сознания определяет процесс нормообразования, фундированный прото-нормой как определенной связью знака и значения. Показаны генеративные возможности прото-нормы в отношении нормативных форм человеческого бытия в сферах мышления, восприятия и действия.

4) В рамках выработанного общего подхода предпринята попытка описать генезис правовых норм. Коммуникативная концепция права позволяет показать, что основой этого процесса является эквивалентный социальный обмен услугами, предполагающий нанесение и компенсацию ущерба наличного состояния человека. Норма права как продукт договора возникает в форме символической связи притязания и признания, формой выражения которой является текст, в котором представлено обещанное обязательство.

ИДЕАЛЫ И НОРМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

С. В. Токмянина

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры философии Института философии и права
Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург*

Ценности – это неотъемлемый элемент всякой деятельности, в каких бы формах она ни протекала. Не составляет исключения и научное познание. Длительное время наука рассматривалась как царство истины, а научная деятельность – как объективный, беспристрастный, ценностно-нейтральный поиск истины, чуждый ограничениям и моральным запретам.

Однако, многочисленные исследования сущности науки показали, что научная деятельность не является ценностно-нейтральной, так как это свободная, целеполагающая, творческая, поисковая деятельность, в процессе которой возникают мировоззренческие